

УДК 303.446.4[(474.3):(430)]

**П.Я. КРУПНИКОВ И «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ»
В ЛАТВИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Кирчанов М.В.

В статье анализируется роль латышского историка Петра Яковлевича Крупникова в изучении истории латышско-немецких отношений. Предполагается, что идеи П.Я. Крупникова были частью советской историографии, но фактически ученый игнорировал формальные и неформальные ограничения исторической науки в СССР. Автор показывает, что П.Я. Крупников в своих исследованиях не придерживался жесткого разделения истории на отечественную и всеобщую. Показано, что концепция истории латышско-немецких отношений, предложенная П.Я. Крупниковым, стала попыткой ревизии как тематики исследований, так и их возможных результатов. В целом, предполагается, что П.Я. Крупников был среди первых советских историков-германистов, кто активно использовал методы интеллектуальной истории.

Ключевые слова: П.Я. Крупников, латышская историография, историческая германистика, интеллектуальная история.

**PĒTERIS KRUPŅIKOVŠ AND THE “INTELLECTUAL TURN”
IN LATVIAN HISTORICAL GERMAN STUDIES
OF SOVIET PERIOD**

Kyrchanoff M.V.

The paper analyses the role of Pēteris Krupņikovs, the Latvian historian, in the historical studies of Latvian-German relations. It is assumed that the ideas of Pēteris Krupņikovs were the part of Soviet historiography, but in fact, the researcher ignored the formal and informal restrictions of historical science in the USSR. The author shows that Pēteris Krupņikovs in his academic activities ignored a hard division of history into national and general. It is shown that the concept of Latvian-German

relations history, proposed by Pēteris Krupņikovs, became an attempt to revise both the research topics and their possible results. In general, it is assumed that Pēteris Krupņikovs was among the first Soviet Germanist historians who used the methods of intellectual history actively.

Keywords: Pēteris Krupņikovs, Latvian historiography, historical German studies, intellectual history.

Развитие советской исторической науки, несмотря на объективные тенденции к унификации, отличалось определенным разнообразием, которое проявлялось на уровне национальных историографий. Как правило, эта специфика в наибольшей степени была заметна в исследованиях, сфокусированных на истории титульных наций тех или иных регионов СССР, хотя в некоторых республиках возникли свои традиции и школы в изучении проблем всеобщей истории. Одной из таких республик была Латвийская ССР. В Латвии (как в Литве и Эстонии) исторически существовали предпосылки для успешного развития исследований в сфере зарубежной истории. Этому способствовало несколько факторов, включая географическую близость к странам региона изучения, длительное развитие в рамках европейских государств, развитые связи с Германией и Скандинавией, наличие архивных фондов на западноевропейских языках. Многовековое немецкое господство в Латвии, специфические и противоречивые латышско-немецкие отношения и сохранение на территории Латвийской Республики до 1940 г. значительного немецкого сообщества стали теми факторами, которые объективно содействовали развитию исторической германистики, стимулируя и анализ истории немецко-латышских отношений.

Одной из центральных фигур в истории латышской исторической науки второй половины XX века являлся Петр Яковлевич Крупников (Pēteris Krupņikovs, 1920-2009) – известный историк, германист и исследователь латышско-немецких отношений [11; 12; 15]. Имя П.Я. Крупникова, к сожалению, практически неизвестно среди российских германистов, хотя его

вклад в развитие историографии как в советском, так и в латвийском контекстах является значительным.

Целью статьи является анализ историографического вклада П.Я. Крупникова в изучение истории латышско-германских взаимоотношений, связей и контактов. Задача исследования заключается в анализе концепции историка относительно исторических отношений между Латвией и Германией. А также выявление ее места в советской германистике и выяснении роли в развитии латышской историографии всеобщей истории.

Основные вехи биографии П.Я. Крупникова

Петр Яковлевич Крупников являлся уникальной фигурой в истории советской исторической науки. Если в советской историографии в целом П.Я. Крупников занимал в определенной степени маргинальное положение, то относительно латышской исторической науки творческий путь ученого стал отражением сложностей и противоречий истории Латвии в XX веке. Петр Крупников родился 19 марта 1920 г. во Флоренции в семье еврейских беженцев из Советской России, которая вскоре обосновалась в Риге, где и вырос будущий историк. В семье Крупниковых говорили на нескольких языках – на русском, латышском, немецком. Петр Крупников учился в немецкой гимназии, а также в одной из еврейских школ Риги.

В 1930-е гг. под влиянием старшего брата он проникся левыми идеями, принимая участие в подпольной деятельности латышских коммунистов. Среднее образование П. Крупников завершил только после советизации Латвии, планируя поступать в университет. С началом войны П. Крупников оказался в рядах РККА, где служил в Латышском стрелковом корпусе. После войны, по возвращении в Ригу, П.Я. Крупников, владевший латышским, русским и немецким языками, участвовал в суде над военными преступниками в качестве переводчика. В 1953 г., завершив обучение в университете [18], он начинал работать в различных учебных и просветительских учреждениях, заведовал Центральным лекционным бюро, защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в Сельско-хозяйственной Академии и заведовал

кафедрой истории КПСС. В 1962 г. П.Я. Крупников перешел на работу в Латвийский государственный университет, где стал одним из крупнейших исследователей истории латышско-немецких отношений. Две книги П.Я. Крупникова на латышском и русском языках, посвященные этой проблематике, вышли в 1980-е гг. Период 1990-2000-х гг. был отмечен чтением лекций в многочисленных университетах Германии, где проживал ученый, регулярно возвращаясь в Ригу и оставаясь значимой фигурой в латышской интеллектуальной жизни [17; 23; 24; 25].

П.Я. Крупников: от истории коммунистического движения к интеллектуальной истории

Начав свою научную карьеру с изучения истории коммунистического движения в Латвии [20], П.Я. Крупников относительно быстро осознал необходимость поиска такой темы, в изучении которой он чувствовал меньше политических и идеологических ограничений, что и привело его к исследованию истории латышско-немецких отношений.

Именно П.Я. Крупникову Латвийский университет обязан институционализацией научной специализации, сфокусированной на истории отношений между балтийскими немцами и народами региона. Комментируя свой переход в ЛГУ им. П. Стучки, П.Я. Крупников вспоминал, что на факультете истории и филологии [18, л. 229-233] к тому времени «стало уже скучновато... общей научной работы не было. В этом отношении факультет был мертвым царством. Никакой связи между дисциплинами и преподавателями. Я затеял это изменить. Надо было найти тему, общую для нас всех... остановились на том, что займемся проблемами германо-латвийских отношений и темой балтийских немцев» [19, л. 242]. Основной формой институционализации новой формировавшейся научной специализации стало издание сборников «Германия и Прибалтика» (в рамках Ученых записок ЛГУ им. П. Стучки) и проведение конференций, первая из которых состоялась в 1970 г. Как вспоминал П.Я. Крупников, если на первой конференции был один иностранный участник (эстонец), то постепенно участниками подобных

мероприятий стали историки Литвы, Эстонии, ГДР и ФРГ, Польши, Швеции, Венгрии и ЧССР. В качестве участников конференций П.Я. Крупников смог привлечь уже тогда известного специалиста по истории национализма М. Хроха и одного из ведущих историков ФРГ 1970-1980-х гг. – Герта фон Пистолкорса [19, 1. 244-245].

Каков вклад П.Я. Крупникова в изучение исторических отношений между Латвией и Германией?

Первые исследования П.Я. Крупникова в сфере исторической германистики были сфокусированы на политике представителей немецкой элиты в Прибалтике в начале XX века. П.Я. Крупников, анализируя особенности немецкой политики, предположил, что она была гетерогенна и не отличалась стабильностью. По мнению латышского историка, в начале XX века немецкие элиты в Латвии сделали выбор в пользу националистической политики, отказавшись от принципов сословности, чему способствовало два фактора – первая русская революция и появление левого движения [см.: 1].

Примечательно и то, что первые исследования П.Я. Крупникова начала 1970-х гг., посвященные Германии, в определенной степени содержали элементы не политической, но экономической ревизии сложившихся принципов написания / описания истории в советской исторической науке [22]. Например, П.Я. Крупников не цитировал ни одного текста классиков марксизма-ленинизма, предпочитая цитировать преимущественно «буржуазных» или даже «реакционных» немецких историков.

Эти тенденции в большей степени были заметны и в статье «Основные черты развития немецкой дворянско-буржуазной историографии революции 1905 года в Прибалтике (1907-1939)», опубликованной в 1973 г. [7], также сфокусированной на германской исторической проблематике. И если еще в 1972 г. П.Я. Крупников пребывал в рамках событийной парадигмы, то уже в 1973 г. у него были заметны тенденции к отказу от советской версии позитивизма в пользу интеллектуальной истории и истории идей. Ученый анализировал «Lettische Revolution» (Латвийскую революцию) в немецкой

печати фактически как конструкт и изобретенную историографическую традицию.

В 1976 г., П.Я. Крупников несколько скорректировал свою концепцию, расширяя изучение истории идей на общегерманский контекст, анализируя роль прибалтийских немецких интеллектуалов в рамках немецкого национализма в целом в конце XIX века, воспринимая комплекс антироссийских идей как одну из его изобретенных традиций [10]. Подобные трансформации историографии в национальных республиках, вероятно, подтверждают правоту С. Криха о том, что советские историки могли «писать по-разному, как с точки зрения стиля, так и с точки зрения расположения материала» [5, с. 126]. В этой ситуации П.Я. Крупников был среди первых латышских историков, кто пытался (правда, не очень активно) перенести в советские историографические контексты подходы, предложенные в рамках изучения национализма. Поэтому, анализируя исторические моменты в развитии латышского национализма в начале XX века, ученый не только сравнивал его с другими национальными движениями Российской империи, но и с европейскими национализмами.

Российский историк М. Кром полагает, что в случае «деконструкции базовых понятий, на которых строилась вся концепция истории и историографии», историки оказываются в сложном положении. С одной стороны, «они по-прежнему могут разрабатывать частные сюжеты, пользуясь языком источников для построения нарратива», но, с другой, «им явно не хватает понятийного аппарата для серьезных обобщений» [6, с. 110]. В определенной степени с аналогичными проблемами в 1960-1970-е гг. начали сталкиваться и советские историки, особенно в национальных историографиях союзных республик. Если большинство представителей академического сообщества занималось формально допустимыми с точки зрения контроля над ними и над историографическим продуктом сюжетами, то другим в допустимых пределах было явно тесно и неудобно. Это вынуждало их заниматься, как тогда казалось, второстепенными и незначительными темами,

который спустя 30-40 лет стали восприниматься в контекстах интеллектуальной и культуральной истории.

На протяжении нескольких лет, до середины 1980-х гг., в силу идеологических причин П.Я. Крупников не публиковал свои тексты в сборниках «Германия и Прибалтика», что отражено в его воспоминаниях [8; 19]. Кроме этого, методологический дрейф ученого в направлении интеллектуальной истории, в целом, отразил противоречия в развитии советской исторической науки, о которых, например, пишет современный российский медиевист П. Уваров, полагающий, что «правильным методом по техническим причинам считался марксизм-ленинизм. Но, говоря компьютерным языком, марксизм для нас был не только "программной системой", но и "программой-оболочкой", преобразующей неудобный командный пользовательский интерфейс в дружественный графический интерфейс. При помощи нехитрых операций, поиграв в диалектику, под наш советский интерфейс можно было подогнать и какой-нибудь позитивизм Венской школы, и структурализм, а может, и Фуко смогли бы приспособить при желании» [3]. Именно это советские историки, в том числе и П.Я. Крупников, которым было тесно в рамках идеологического канона, успешно делали, двигаясь в направлении, например, интеллектуальной истории.

«Смена форм исторического сознания», пережитая в западной историографии во второй половине XX века, в латышскую историческую науку, как и в другие постсоветские национальные историографии, пришла только в 1990-е гг. Но она, по мнению российской историка Н. Копосова универсальна в том смысле, что радикально влияет на семантические структуры исторического нарратива [см.: 4]. В этом контексте работы П.Я. Крупникова 1970-1980-х гг. стали одной из первых попыток ревизии тех семантических структур, которыми пользовались советские историки, хотя эффект от таких попыток был не столь велик, ограничиваясь только латышской историографией.

В конце 1970-х гг. П.Я. Крупников столкнулся с проблемами идеологического свойства: его младший сын женился на девушке, семья которой подала документы на выезд в Израиль. Ученого отстранили от руководства конференциями, о чем он вспоминал следующим образом: «я оказался человеком второго сорта, так как утратил доверие... прежде всего меня отстранили от конференций и их руководства, готовый сборник вместо меня подписали к печати другие люди, которые к нему не имели никакого отношения. Мне было необходимо ехать в Австрию, с которой у нас был договор, но в последний момент мою фамилию вычеркнули... тематику исследовательских работ на факультете изменили на "Западная Европа и Латвия"» [19, л. 255].

В 1985 г. П.Я. Крупников, снова стал редактором сборника и его автором, выступив с текстом «Прибалтийско-немецкий поэт Виктор фон Андреянов в оппозиции остзейскому "обществу"» [9], актуализировав явный крен в сторону интеллектуальной истории с элементами новой социальной и культуральной истории. По мнению французского историка Ф. Досса, «гуманитарные науки заново открывают изначально присущее им человеческое измерение, начиная отходить от каузализма экспериментальных наук» [2, с. 9]. Начало этому в латышской историографии было положено, в том числе и П.Я. Крупниковым, который "антропологизировал" и "культурализировал" историю балтийских немцев, ранее создаваемую в почти исключительно социально-экономической системе координат. Фактически П.Я. Крупников был среди первых латышских историков, кто еще в советский период пытался анализировать феномен культурной маргинальности отдельных немецких интеллектуалов. Именно они в период активного противостояния немецких элит Балтийского региона пытались предлагать альтернативные, то есть фактически маргинальные, для своего времени точки зрения на латышей и латышское национальное движение.

К концу 1980-х гг. П.Я. Крупников стал автором двух монографий [8; 21], синтезировавших результаты более ранних работ ученого. Эти труды, с одной стороны, могут быть локализованы в рамках редкого для советской

историографии жанра «интеллектуальной истории». С другой стороны их можно назвать ревизионистскими в силу того, что автор пересмотрел свои более ранние точки зрения, фактически ставшие историографическими мифами в отношении истории латышско-немецких отношений. В целом, признавая негативное влияние немецкого политического доминирования, историк полагал необходимым отказаться от анализа этой проблематики в исключительно «черно-белой» системе координат. Он полагал, что парадигма интеллектуальной истории или истории идей является как более эффективной, так и продуктивной для описания и анализа коллективных представлений немецких и латышских интеллектуалов друг о друге. Примечательно, что именно эти идеи получили развитие и продолжение в исследованиях латышских историков в постсоветский период [13; 14; 15; 16].

В начале 1990-х гг., после восстановления Латвией независимости, П.Я. Крупников эмигрировал в Германию, читал лекции в немецких, американских и израильских университетах. Размышляя в первой половине 2000-х гг. над своим академическим и жизненным опытом ученый подчеркивал, что помнит «сталинские и брежневские времена. Мы можем забыть, что правление Гитлера – это только двенадцать лет. Когда человеку было двадцать, Гитлер пришел к власти, ему только тридцать два к концу войны... а моя ситуация... В двадцать лет я пережил, как Латвия потеряла независимость... мне был семьдесят один год, когда она ее вновь получила... между этими двумя датами я потерял свою жизнь» [19, 1. 299]. Вероятно, эти слова П.Я. Крупников как историк проецировал и на развитие латышской историографии в 20 веке, которая, по его мнению, была оторвана от Европы, а историки не смогли в полной мере реализовать свои возможности, использовать методологический и теоретический потенциал, предлагаемый западной исторической наукой. В этой ситуации попытки историка в своих исследованиях выйти за пределы предписываемого канона представляются не только оригинальными и интересными, но и в целом вписывающимися в динамику развития латышской историографии.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Формально идеи П.Я. Крупникова, предложенные им в рамках изучения истории немецко-латышских отношений, принадлежали к советской историографии, но фактически историк смог выйти за те пределы и ограничения, в которых пребывало большинство советских историков-германистов. Как и другие советские историки П.Я. Крупников следовал идеологическим предписаниям, в случае необходимости цитировал классиков марксизма-ленинизма, пребывал в рамках доминировавшей в советской историографии позитивистской парадигмы, интегрированной в марксистско-ленинскую методологию. Но фактически в своих статьях и монографиях ученый вышел за пределы того, что было дозволено советским историкам, предложив новаторский подход.

В чем состояло новаторство П.Я. Крупникова как историка, которое, в конечном счете, определило его вклад в развитие исторических исследований?

Во-первых, П.Я. Крупников не практиковал (как большинство советских историков) радикального и жесткого разделения истории на отечественную и всеобщую, что проявлялось как в его исследованиях, так и в тех принципах, которыми он руководствовался, когда читал в Латышской университете курс по всеобщей истории. Его анализ истории латышско-немецких отношений не только позволил проанализировать роль немецкого фактора в истории Латвии, но и интегрировать ее в европейские культурные, интеллектуальные и исторические контексты.

Во-вторых, концепция истории латышско-немецких отношений, предложенная П.Я. Крупниковым, фактически стала ревизионистской в том смысле, что ученого не устаивали формальные и неформальные предписания и ограничения, с которыми были вынуждены сталкиваться советские историки. Поэтому он решительно пересматривал устоявшиеся и мифологизированные интерпретации, последовательно заменяя их многофакторным анализом изучаемой проблематики.

В-третьих, в теоретическом и методологическом плане П.Я. Крупников в своих исследованиях приблизился к интеллектуальной истории. История латышско-немецких отношений в его версии перестала быть только и исключительно событийной и социально-экономической, став многоуровневой и гетерогенной историей идей, интеллектуальных дискуссий и дебатов, историей образов и взаимных представлений, историей концептов *самости* и *другости*, историей интеллектуальных измерений латышской и немецкой идентичностей.

Таким образом, в работах П.Я. Крупникова советского периода была, с одной стороны, предложена оригинальная концепция исторического развития латышско-немецких отношений, написанная в категориях интеллектуальной истории, что существенно выделяло ее из общих контекстов советской исторической германистики. С другой стороны, исследования ученого стали важным интеллектуальным стимулом для его учеников и последующих поколений историков Латвии, которые занимаются изучением латышско-немецких отношений. Успехи современной латышской историографии в этом направлении были бы вряд ли возможны, если бы в начале 1970-х гг. П.Я. Крупников не положил начало систематизированному и организованному изучению истории отношений между Латвией и Германией.

Список литературы:

1. Апине И., Крупников П. Новое в политике прибалтийского дворянства после революции 1905-1907 гг. // Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки. 1972. Т. 159. Германия и Прибалтика. С. 75-102.

2. Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 9-56.

3. Кобрин К., Уваров П. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобрина с Павлом Уваровым //

Неприкосновенный запас. 2007. № 55 [Электронный ресурс] // Полит.Ру [сайт]. 30.01.2008. URL: <https://goo.su/2hou> (дата обращения: 03.10.2020).

4. Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 57-93.

5. Крих С.Б. Унификация нарратива в советской историографии как исследовательская проблема // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 124-138.

6. Кром М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 94-125.

7. Крупников П.Я. Основные черты развития немецкой дворянско-буржуазной историографии революции 1905 года в Прибалтике (1907-1939) // Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки. 1973. Т. 185. Германия и Прибалтика. С. 3-21.

8. Крупников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX в. – 1945 г.). Рига: Авотс, 1989. 315 с.

9. Крупников П.Я. Прибалтийско-немецкий поэт Виктор фон Андреянов в оппозиции остзейскому "обществу" // Германия и Прибалтика: проблемы политических и культурных связей / Отв. ред. П.Я. Крупников. Рига: ЛГУ им. П. Стучки, 1985. С. 107-114.

10. Крупников П.Я. Прибалтика в антироссийских прожектах немецких публицистов в конце прошлого века // Ученые записки Латвийского государственного университета имени Петра Стучки. 1976. Т. 260. Германия и Прибалтика. С. 96-101.

11. Ābers V. Par vācu un latviešu attiecībām [Электронный ресурс] // Jaunā Gaita [сайт]. 2020. URL: <https://goo.su/2hOu> (дата обращения: 03.10.2020).

12. Beitnere D. Vēsturnieka dzīvesstāsts // Krupņikovs P. Dialogā ar vēsturi. Pētera Krupņikova dzīvesstāsts / Guntas Strautmanes teksts pēc Dagmāras Beitneres audiointervijām. Rīga: Zinātne, 2015. L. 301-306.

13. Cerūzis R. Vācu faktors Latvijā (1918-1939). Rīga: Latvijas Universitāte, 2004. 291 l.
14. Dribins L. Nacionālais jautājums Latvijā 1850. – 1940. Rīga: Mācību apgāds, 1997. 207 lpp.
15. Dribins L. Vēsturnieku Pēteri Krupņikovu mūžībā aizvadot (19.03.1920. Florence – 20.02.2009. Rīga) // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 2009. No 1. L. 210-211.
16. Feldmanis I. Vācbaltiešu izceļošana no Latvijas (1939-1941). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012. 108 l.
17. Hermanis V. Dialogā ar Krupņikovu // LZA Vēstis. 2015. No 3-4. L. 87-89.
18. Keruss J., Lipša I., Runce I., Zellis K. Latvijas Universitātes Vēstures un filozofijas fakultātes vēsture padomju laikā. Personības, struktūras, idejas (1944-1991). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2010. 351 l.
19. Krupņikovs P. Dialogā ar vēsturi. Pētera Krupņikova dzīvesstāsts / Guntas Strautmanes teksts pēc Dagmāras Beitneres audiointervijām. Rīga: Zinātne, 2015. 352 l.
20. Krupņikovs P. Latvijas Komunistiskās Partijas palīdzība legālai revolucionārai presei kapitālisma daļējās stabilizācijas pirmajos gados (1924-1926 g.g.) // Pētera Stučkas Latvijas Valsts Universitāte zinātniskie raksti. 1963. Sēj. 50. Padomju Savienības Komunistiskās Partijas vēstures katedras darbi. 165-186 l.
21. Krupņikovs P. Melu un patiesības palete. Rīga: Zvaigzne, 1980. 199 l.
22. McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History. 2003. Vol. 41. No 61. P. 1.
23. Mintauris M. Apoloģija vēsturniekam? [Электронный ресурс] // Ir [сайт]. 19.05.2015. URL: <https://goo.su/2HoU> (дата обращения: 03.02.2020).
24. Sprūde V. Cilvēks, kurš mācīja domāt [Электронный ресурс] // Latvijas mediji [сайт]. 10.05.2015. URL: <https://goo.su/2HOU> (дата обращения: 03.02.2020).

25. Šuvajevs I. Vēstures mācības. Igora Šuvajeva saruna ar Pēteri Krupņikovu [Электронный ресурс] // Rīgas Laiks [сайт]. 09.2000. URL: <https://goo.su/2hoV> (дата обращения: 03.02.2020).

Сведения об авторе:

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия).

Data about the author:

Kyrchanoff Maxim Valeryevich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Regional Studies and Economics of Foreign Countries Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com.